

Очень много времени спустя Цзян Най всё ещё вспоминал тот вечер.

Он не знал, как описать тогдашние ощущения, знал лишь одно — в них определенно было что-то особенное.

Словно перед тем, как яркий фейерверк и россыпь звезд озарят всё ночное небо, всегда появляется крошечный, ничем не примечательный бикфордов шнур.

Или как среди бескрайнего цветущего весеннего сада самый первый распустившийся цветок не обязательно самый красивый, но точно особенный.

Услышав, что папа согласился на их план, Фань-фань и Чжоу-чжоу очень обрадовались и тут же собрались было бежать за вещами, но Цзян Най остановил их.

— Время ещё раннее, давайте сначала поиграем внизу, хорошо?

Цзян Най отвел детей в гостиную, достал коробку с игрушками и, указав на антикварные часы на стене, терпеливо уговорил их.

Они только что поужинали, было всего чуть больше семи, и вечерняя жизнь взрослых еще даже не начиналась.

Цзян Най уже всё обдумал: купание можно воспринимать как уход за больным.

К тому же, разве от простого взгляда можно забеременеть? С чего бы.

Нигде не написано, что человеку запрещено капризничать.

Цзян Най кивнул, а про себя подумал: «Мои послушные крошки, вот у вас голоски действительно мягкие и сладкие».

Цзян Най взглянул на картинку: узор оказался немного сложным, главным образом из-за обилия цветов и травы, да и цвета там различались. Детям придется потрудиться, чтобы раскрасить всё как следует, но на вечер этого точно хватит.

Фань-фань и Чжоу-чжоу уселись на коврик, Цзян Най пододвинул маленький деревянный журнальный столик, выпрямил альбом для раскрашивания и достал коробку с цветными карандашами.

— Папа, а можно нам тоже завести кошечку?

Игра с раскрашиванием завладела вниманием детей: они то усердно склоняли головы над рисунками, то перебирали карандаши в пенале.

Устроив малышей, Цзян Най украдкой скосил глаза на Фэн Чэнъяня.

Вместо этого он сам оказался просто очарован этим человеком.

Но теперь до него кое-что дошло: когда мужчина обнажает предплечья, а его пальцы лежат на клавиатуре, людей привлекает не столько сосредоточенность, сколько ощущение невероятной внутренней силы.

Фань-фань как раз раскрашивал глаза коту, который охотился за бабочкой. Отложив кисть, он обратился к сидевшему рядом папе.

Он помог им сделать выбор, и в итоге они остановились на книжке-раскраске с цветными карандашами: на ней были изображены круглые арки, густая зелень и цветы в саду, а также милый пухлый котик, который изгибал спину в прыжке, будто собираясь поймать порхающую бабочку.

Вот и сейчас: они только-только поужинали, не прошло и получаса отдыха, как Цзян Най снова увидел его с ноутбуком — тот устроился прямо за обеденным столом и принялся за работу.

Раньше Цзян Най не раз слышал фразу, что упорно работающий мужчина выглядит красивее всего. Но тогда он лишь растерянно моргал, полные непонимания вопросы роились в голове — и в чем же здесь красота?

Вспоминая себя — нарезающего овощи, орудующего тяжелым воком, покрытого градом пота и раскрасневшегося от жара плиты, — он понимал, что выглядел в те моменты вовсе не привлекательно.

Кажется, Фэн Чэнъянь действительно был очень занят: пока они везли детей туда и обратно, ему безостановочно звонили и писали, чередуя английскую, китайскую и непонятную Цзян Наю речь.

Цзян Най опустил взгляд на него и спросил:

— С чего это вдруг вам захотелось завести котенка?

Простое кольцо на его пальце в ритме ударов по клавишам ловило свет потолочных ламп, отбрасывая мелкие, но ослепительные блики прямо в глаза Цзян Наю.

Мыться сегодня было нужно обязательно, но вот сделать это прямо сейчас или отложить до отхода ко сну — между этими вариантами, по глубоко личным соображениям Цзян Ная, лежала огромная пропасть.

Это восхищение перед сильным и уверенным в себе человеком казалось чем-то инстинктивным, совершенно неподвластным человеческому контролю, и было по-своему прекрасно.

— Котики такие милые, — Фань-фань ткнул пальцем в альбом и задумчиво посмотрел на папу.
— У них такая шерстка, к которой безумно приятно прикасаться, красивые глазки и голосок чудесный — мягкий и сладкий.

От этого зависело, сможет ли он вовремя спрятать голову в песок, как страус.

Он сидел далеко, поэтому содержимого экрана не разглядел, да и вряд ли бы понял что-то при всем желании, так что особой любопытства к делам Фэн Чэнъяня не испытывал.

Повернув голову ко второму ребенку, он спросил:

— Чжоу-чжоу, а ты хочешь котика?

Чжоу-чжоу с улыбкой ответил:

— Хочу, с ним можно будет играть в лови-мяч, а еще гулять в парке.

— Мяч на улице любят скорее собаки, — задумчиво поправил ребенка Цзян Най. — Кошкам, пожалуй, больше нравится лежать.

Малыш Чжоу-чжоу моргнул своими черными, похожими на виноградины глазками, посмотрел на старшего брата, потом на кота в альбоме и снова улыбнулся:

— Я тоже люблю лежать, так что мы с котиком сможем играть в лежачие игры.

Отлично, теперь оба малыша успешно пришли к консенсусу.

И всё давление тут же перекинулось на папу Цзян Ная.

Цзян Най решил перевести стрелки.

— Фэн Чэнъянь, малыши хотят завести котенка.

Дети были детьми Фэн Чэнъяня, да и дом принадлежал ему, так что пусть он сам и разбирается с этой проблемой.

Фэн Чэнъянь повернул голову и увидел двух мягких пухлых малышей с лицами, на которых было написано: «Хотим, очень хотим, пожалуйста-пожалуйста!» Рядом с ними сидел молодой человек со взъеренными мягкими волосами и лукавой улыбкой.

— Хотите завести кота?

Фань-фань кивнул, и выражение его лица стало еще более напряженным в ожидании ответа.

— Ну, тогда давайте дождемся выходных, — не успели дети обрадоваться, как Фэн Чэнъянь, глядя на них, сменил тон: — Однако...

Момент с сюрпризом оказался подпорчен — отцу была присуща некоторая доля ехидства.

Малыш Чжоу-чжоу уже приготовился в любую секунду рухнуть на пол и закататься по ковру.

Как вдруг услышал серьезное наставление отца:

— Однако, если мы принесем котенка домой, ухаживать за ним придется вам двоим. Можете ли вы это пообещать?

Фань-фань и Чжоу-чжоу одновременно закивали:

— Будем, мы обещаем!

Цзян Най одарил его благодарной улыбкой — он просто не мог вынести мысли о том, чтобы отказать детям в их маленьком желании.

Получив обещание, малыши вернулись к раскраске, Фэн Чэнъянь продолжил работать, а Цзян Най воткнул в одно ухо беспроводной наушник и принялся смотреть трансляцию недавних международных соревнований.

Как ни крути, а девять вечера уже давно миновало.

Малыши не созданы для ночных посиделок, самое время отправляться в ванную.

Но детей не так-то просто провести: Фань-фань и Чжоу-чжоу прекрасно помнили обещание, данное отцу несколько часов назад.

— Сначала нужно искупать второго отца! — Фань-фань поднял руку и по-деловому напомнил папе. — А то мы с Чжоу-чжоу намочим одежду.

Цзян Най хлопнул себя по лбу: какая железная логика.

Ладно, пусть тогда Фэн Чэнъянь моется первым.

— Может, ты сначала сходишь в душ и дашь им шанс проявить себя, а, папаша?

Произнеся это, Цзян Най сам содрогнулся от собственного словечка.

И правда, подобные простые обращения вроде папаша отлично разрушают любую атмосферу — надо будет взять их на вооружение.

Фэн Чэнъянь бросил на него короткий взгляд, заметив довольную улыбку на лице парня, и легко догадался, о чем тот думает.

Он тихо усмехнулся и великодушно ответил:

— Хорошо.

Дети светились от предвкушения, да и главный герой держался совершенно невозмутимо.

На их фоне лишь Цзян Най выглядел чужаком.

Напустив на себя вид полного спокойствия, он последовал за ними в ванную.

Фань-фань открыл кран и отрегулировал температуру воды, а Чжоу-чжоу принялся суесться с полотенцами.

Фэн Чэнъянь... Фэн Чэнъянь как раз расстегивал пуговицы на рубашке.

Температура в голове Цзян Ная стремительно ползла вверх, маска невозмутимости пошла трещинами, а щеки окрасились легким румянцем от густого пара, поднимающегося из душа.

Сделай глубокий вдох, опусти голову, сохраняй хладнокровие.

Но как, черт возьми, он должен помогать ему мыться?

Стоять рядом и придерживать его?

Он поднял глаза и наткнулся на рельефные мышцы и четкие линии торса.

Как раз в тот момент, когда рука мужчины опустилась ниже, а дыхание Цзян Ная стало совсем частым, тот неожиданно замер:

— Телефон остался внизу, я забыл его взять.

На его лице отразилось легкое беспокойство, казалось, эта деталь действительно имела для него большое значение. Он повернулся к Цзян Наю с просьбой:

— Возможно, скоро кто-то по работе будет меня искать, не мог бы ты спуститься вниз и принести мой телефон? А я пока побуду с Фань-фанем и Чжоу-чжоу.

Цзян Най замер. Разум еще не успел остыть после недавнего повышения температуры, поэтому соображал сейчас с трудом.

Зато малыши работали без сбоев: Фань-фань, поразмыслив над словами отца, решил, что телефон — вещь поистине критически важная, иначе как они заработают много денег?

— Мы вдвоем справимся, — с серьезным видом заявил Фань-фань, вместе с Чжоу-чжоу заверяя взрослого в своей надежности, и напоследок напомнил: — Папа, возвращайся скорее!

Цзян Най в полном оцепенении вышел из ванной комнаты, пересек спальню Фэн Чэнъяня, спустился по лестнице и действительно обнаружил телефон лежащим на обеденном столе.

Именно на том месте, где сидел Фэн Чэнъянь.

Стоило ему взять аппарат в руки, как он заметил под ним записку, написанную знакомым почерком: «Подожди здесь десять минут».

Цзян Най ничего не понял, но, вспомнив, что сейчас творится в ванной, решил подчиниться и покорно опустился на стул, отсчитывая уходящие минуты.

Он легко выдохнул, подумал немного, затем всё же встал, быстрым шагом дошел до кухни, открыл кран с холодной водой, зачерпнул полные ладони и плеснул себе на лицо.

Температура постепенно спадала. Вытерев лицо салфеткой и сверившись со временем на экране телефона, он неторопливо поплелся наверх.

Переждав положенные десять минут, Цзян Най еще пару минут потоптался за дверью и только после этого толкнул ее, возвращаясь в спальню Фэн Чэнъяня.

Мужчина уже вышел из ванной и, облаченный в халат, сидел в кресле, суша волосы укутанным в большое полотенце малышам; из-под халата виднелись его стройные, сильные икры.

Цзян Най положил телефон на тумбочку и, глядя на капающую с волос Фэн Чэнъяня воду, напомнил:

— Давай я их досушу, а ты вытрись как следует, простудишься ведь.

Фэн Чэнъянь бросил взгляд на протянутую руку парня, не стал возражать и поднялся, уступая ему место.

Затем он взял другое полотенце и несколько раз яростно взъерошил собственные волосы, отчего брызги полетели прямо в лицо Цзян Наю.

Закончив с сушкой, Цзян Най отвел детей в детскую переодеться в пижамы и укладываться спать.

После всей этой суматохи стрелки часов уже перевалили за десятку.

На мягких розовых личиках застыли следы борьбы со сном, они зевали вовсю, и сказку на ночь дослушали едва ли до середины, как разомкнули объятия и провалились в сон.

Цзян Най вернул детскую книгу на место и потянулся выключить свет.

В этот момент телефон в его кармане внезапно завибрировал.

Достав его, он увидел на экране имя Фэн Чэнъяня.

Чего это он звонит так поздно? К тому же, насколько он помнил, они жили в соседних комнатах.

Укрыв детей одеялом, он взял телефон и вышел в небольшую гостиную при апартаментах, принимая вызов.

— Алло, привет, чего ты вдруг звонишь?

Цзян Най сбросил тапочки, с ногами забрался на диван и, прижав колени к груди, заговорил со Собеседником, чувствуя в голосе легкую сонливость.

Тот на другом конце провода, казалось, не видел в этом ночном звонке ничего странного и совершенно серьезным тоном поинтересовался:

— С чего это тебе вдруг захотелось завести кота?

— А? — Цзян Най на мгновение растерялся, а сообразив, ответил: — Ну, дети есть дети, любопытство у них сильное, может, где-то увидели котенка или у кого-то из одноклассников дома живет кошка. К тому же, я считаю, что завести питомца очень полезно для воспитания у детей чувства ответственности и доброты.

Собеседник продолжил расспросы:

— А ты сам любишь кошек?

Цзян Най отозвался:

— Нормально. Просто раньше времени не было.

— Понятно. А ты видел записку на столе?

Фэн Чэнъянь менял темы с такой молниеносной скоростью, что Цзян Най даже растерялся: какая вообще связь между запиской и кошками?

<http://bllate.org/book/22066/2294554>